

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мысль выдать свою маму замуж пришла в очередной раз Володе во вторник вечером, после звонка из милиции.

Допрыгалась, добегалась по митингам и пикетам мамочка! Уже платили ведь штраф — мало!

— Володя, я из милиции звоню. — Мама говорила смущённо и чужим голосом. — Меня тут, возможно, оставят на несколько дней. Ты не переживай... Суп в холодильнике, картошка есть, минтай жареный... И позвони на работу, если что... — Она заторопилась и уже собственным голосом добавила: — Будь умницей, Вовик, веди себя в школе хорошо! С контрольной у тебя как?

Но разговор прервался, поэтому мама так и не узнала, что у него-то всё в порядке, не то что у некоторых мам. Володя долго ещё сидел в прихожей у телефона, перебирал знакомых мужчин — за кого из них можно было бы выдать маму замуж, чтоб успокоилась.

Вообще-то, мужчинам мама нравилась. Даже очень. Вид у неё был молодой и несерьёзный. Володя это с удивлением обнаружил давно.

Года четыре назад, когда он перешёл во второй класс, мама получила от профсоюза путёвку на себя и ребёнка в Болгарию. Там уж, на морском болгарском берегу, на пляже, некоторые только и делали, что без конца хотели с ней познакомиться. С первого дня, даже с первого часа.

Только они, не раскладывая вещи, побежали из гостиницы на пляж, только сели на мокрую тёплую гальку у самой воды, как сразу подошёл к ним загорелый весёлый молодой дядька, сел рядом с Володей, обнял его слегка и попросил:

— Познакомь-ка меня со своей сестрёнкой!

Володя обрадовался, что маму назвали сестрёнкой, и давай знакомить. Если бы не мама, все подробности их жизни выложил бы.

Но мама посмотрела своим строгим взглядом и неожиданно поднялась.

— Пойдём, Вовик, для первого раза хватит, нам вещи надо раскладывать.

— Вы меня возьмите в помощники, я вам помогу, — обрадовался мужчина. — Правда, Вовик?

— Мама, возьмём дяденьку? — начал было просить и Володя.

Только мама посмотрела на сына как на ненормального и, не оглядываясь, потащила его к выходу с пляжа.

Потом-то он понял глупость своего поведения.

Мама не такая уж и легкомысленная, как может показаться. Она, между прочим, лучшая медсестра в их детской поликлинике. Её фотография висит на доске «Лучшие люди», там, где регистратура. Володя на неё всегда смотрит, когда получает карточку.

К ним домой звонят днём и ночью — кто умоляет научить банки ставить, кто точечный массаж. И мама сразу срывается, бежит по адресу. Цветы, конфеты ей почти каждый день дарят. Зря она своими митингами увлеклась. Особенно когда их не разрешают. А мама как раз на такие и бегаёт. Если милиция не разрешает, значит, так надо. В милиции лучше знают, что можно, что нельзя.

Как-то раз он ей сам об этом сказал. Серьёзной ведь женщиной могла бы стать, сын взрослый — пятиклассник, а она по митингам бегаёт, ведёт себя как девчонка.

Но мама на это только расхохоталась. А отсмеявшись, проговорила:

— Ты, Вовик, будто сталинист какой. Тебе лишь бы начальство слушались и думали одинаково.

Сколько знакомых ни перебирай, а женихи всё те же — новых нет.

Первый раз Володя хотел выдать её замуж за своего друга Анатолия. Эту мысль и сейчас ещё иногда он обдумывает. А что — Анатолий в этом году институт заканчивает. И по виду он большой, взрослый, повзрослее мамочки. Подумаешь, младше на несколько лет. Володя тоже младше Анатолия на десять лет — а ведь дружат же, и нормально.

С Анатолием Володя познакомился в первом классе первого сентября на первом уроке, когда учительница повела их на экскурсию в туалет.

Конечно, не только в туалет ходили они тогда. Осторожно, на цыпочках, взявшись за руки, прошли они по школьному коридору, слушая из-за закрытых дверей громкие учительские голоса. Подошли к кабинету директора, к учительской, к столовой, а уж потом к туалету для девочек и к туалету для мальчиков. Там Володя на минутку и задержался. А когда выбежал, то увидел, как по парам, взявшись за руки, все сворачивают за угол. Он, стараясь не топтать, догнал их, пристроился сзади, вошёл со всеми в класс.

Ещё обрадовался, что сразу нашёл свой стол — третий у стены, не то что некоторые путались. И вдруг к этому же месту подскочил какой-то злой первоклассник, стал Володю отпихивать. Володя тоже было пихнул его, но увидел, что все почему-то удивлённо на него глядят, а некоторые даже смеются. Взглянул Володя на учительницу и с ужасом понял, что не та она — высокая, толстая и старая. А у них была стройная и молодая. Учительница как раз начала его спрашивать о чём-то строгим басом, но он, с ужасом обнаружив, что пристроился к чужим и с ними зашёл не в свой класс, тут же бросился к двери, выскочил в коридор и, теперь уже громко топая, побежал опять в туалет. Ясно, что там его никто не ждал. Было там пусто, пахло свежей масляной краской, из кранов капала вода.

Володя понял, что окончательно потерялся, что класс свой он никогда уже теперь не отыщет и, отчаянно заплакав, вышел в коридор. Тут он и наткнулся на высокого то ли молодого учителя, то ли взрослого ученика, который нёс связку длинных деревянных указок.

Этот то ли учитель, то ли ученик сразу всё понял, своим платком вытер ему лицо и повёл за руку по школьным коридорам. Он сам сказал, что зовут его Анатолий, что учится в одиннадцатом «В». И подвёл Володю к двери первого «В». Приоткрыл её, извинился и только стал спрашивать учительницу, не потерялся ли у неё ученик, как Володя обрадованно подскочил к своему месту.

На другой день в перемену Анатолий сам нашёл Володю. Володя уже освоился, уже бегал по коридору наперегонки с одноклассниками. Анатолий спустился к нему со своего этажа — кабинеты старших классов были наверху, и постоял с ним несколько минут, поразговаривал.

Для Володи это были минуты гордости, счастья. Ни к кому из их класса не приходили одиннадцатиклассники. И Володя настолько расхрабрился, что громко спросил:

— А ты усы сам бреешь или в парикмахерской?

У Анатолия и правда пробивались тёмные усы. Но как потом выяснилось, он не брился ещё ни разу и лишь после этого вопроса попросил у родителей деньги на бритву.

— В первом классе я тоже мечтал о старшем друге, — сказал Анатолий Володе. — И во втором классе, и в третьем. Я был совсем один, поэтому меня часто обижали. А в четвёртом я стал здорово расти, занялся айкидо и сам стал всех защищать. А ещё решил, что обязательно возьму себе в друзья первоклассника. Если хочешь, можешь считать себя моим другом. Человек должен расти в ощущении безопасности и должен знать, что нужен всем.

Но вообще-то отец у Володи был. Только они друг о друге не знали.

Однажды, Володя тогда учился в четвёртом классе, он шёл с мамой по Невскому, и вдруг около Пассажа мама схватила его за руку, больно сжала, толкнула за столб и приказала тихо:

— Не двигайся! Видишь, мужчина в красный «форд» садится?

Недалеко от них пожилой, очень какой-то серьёзный человек открывал дверь у красной машины. И в эту же машину садились невысокая худенькая женщина, взрослая девушка, похожая на неё, а рядом с мужчиной — девчонка, и лет ей было, наверно, столько же, сколько Володе. Девчонка о чём-то весело рассказывала, и все улыбались.

— Это твой отец, — сказала вдруг мама.

Прежде на редкие вопросы об отце мама лишь отшучивалась, да Володя и не задавал их давно.

— Только тихо! Он о тебе не знает, понял? Вообще не знает, даже не догадывается, что ты живёшь на свете. А если когда-нибудь узнает, то это принесёт несчастье сразу нескольким людям. И мне в том числе, понял?

Володя так и не спросил ни разу маму, с чего бы это известие о том, что он живёт на свете, сделает людей несчастными. Но сам часто про это думал.

А через год произошло страшное. Это было недавно, вскоре после зимних каникул.

— Вот что, — сказала мама однажды утром. — Ты сегодня в школу не пойдёшь, и я на работу тоже. — Голос у неё был

странный. — Мы поедem на кладбище. Умер твой отец, и там будут его хоронить. Мы постоим в стороне, а потом положим цветы.

Володя по-прежнему ничего не спрашивал, только кивнул.

Мама потом сама добавила, что про болезнь отца ничего не знала, а он, оказывается, лежал в больнице все последние месяцы.

Только вчера вечером случайные знакомые сказали по телефону...

Автобус мучительно долго тащился до кладбища, и мама нервничала — вдруг они опоздают. Но не опоздали. Группа людей как раз входила на главную аллею. Мама кого-то там узнала, ухватила Володю за руку:

— Это он, да! Пошли!

Они с мамой пошли за людьми, как бы вместе с ними, но и чуть отдельно. Мама держала большой свёрток с живыми тюльпанами.

Впереди люди несли несколько венков, потом на большой каталке везли гроб, обшитый красной материей.

И Володя по-взрослому подумал, что теперь он никогда не увидит отца. А ведь он всю эту последнюю зиму тайно мечтал о встрече.

Володя представлял, как закончит школу, станет взрослым. И вот они встретятся — два взрослых человека. Один молодой, быть может, студент, как Анатолий, другой пожилой. Встретятся где-то почти случайно и разговорятся. Отец неожиданно удивится, какой же Володя умный, как здорово всё понимает. И тут нечаянная догадка озарит его сознание. И он, отец, подчиняясь этой догадке-молнии, спросит: «Кто же ваш отец?» А Володя не ответит, он только улыбнётся загадочно. Но отец сам всё поймёт, он взглянет в зеркало на два отражения — своё и Володино, это зеркало как бы скажет: «Больше не надо слов». Они крепко обнимут друг друга. Отец, пряча слёзы, голосом, полным отчаяния и страсти, станет у них с мамой просить прощения за всё. И может быть, познакомит со своей семьёй. Только там никогда не догадаются, что он, Володя, тоже сын своего отца. В той семье он появится как таинственный друг, хороший знакомый.

Примерно так представлял Володя будущую встречу с отцом.

Но всё. Теперь он отца никогда не увидит. Никогда.

Вокруг выкопанной могилы были кучи снега и мёрзлой земли. Мужики в ватниках опустили гроб на длинных верёвках в яму. Та самая худенькая женщина, которая садилась в машину к отцу, громко, не стыдясь, плакала. Володя по этому плачу её и узнал. И девушка плакала. А девчонка смотрела вниз, на ноги. И мама рядом с ним тоже вдруг заплакала...

На них с мамой некоторые люди как бы незаметно оглядывались. Хотя они и стояли чуть в стороне, чтобы никому не мешать.

Потом, когда могилу уже забросали землёй, сделали холмик, накрыли его венками, живыми цветами и отошли, мама с Володиёй тоже приблизились, развернули газету и тоже положили тюльпаны.

— Вы, извините, кем усопшему будете? — подошёл к ним приотставший пожилой человек. — Близкими или так?

И Володя растерялся, не знал, как отчитываться перед этим человеком за цветы и мамины слёзы.

— Я интересуюсь, усопшему вы кем будете? — настаивал спрашивающий.

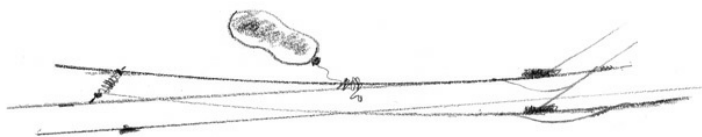
Но мама посмотрела как бы сквозь него, махнула с горечью рукой и проговорила:

— А, бросьте! Разве теперь это важно!

И человек тот смутился, отошёл...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Володя продолжал сидеть в прихожей и думал, как поступить с мамой. Потом решил посоветоваться с Анатолием. Только протянул руку к трубке, как телефон зазвонил сам.

— Вов, ты телевизор смотришь? — это был голос Тани Осокиной. — Включай быстрее, маму твою показывают!

Пока он подбежал к телевизору, пока тот включился, от передачи остался лишь кончик.

На мгновение появилось несколько человек, и среди них — мама. А потом милицейский майор с забинтованной головой проговорил: «С нарушителями законности мы поступаем именно так — по закону». А дальше пошёл другой кадр — о городских художниках. Но и того, что Володя увидел, ему хватило. Ведь эти несколько человек с мамой во главе сидели в милиции, за решёткой. И на них смотрел весь город, потому что показывали их в самой известной программе новостей.

Да уж, завтра в классе повеселятся!

Даже Анатолию звонить расхотелось. Но только он один мог понять, посоветовать.

Уж сколько раз, начиная с первого класса, спасал Анатолий Володю, сам чаще и не догадываясь.

Например, ещё в том же первом классе сидела на соседней колонке девочка — Таня Осокина. И Володе нравилось на неё смотреть, какая она вся беленькая и коса у неё толстая, даже пушистая, не то что у других. И лоб высокий. Говорят, в высоком лбу хранятся большие математические способности.

Володя к ней не подходил, только смотрел иногда во время уроков.

И вдруг девчонки с мальчишками придумали жуткую игру — женить друг друга. Мальчишки тащили по коридору кого-нибудь из своих, девчонки — из своих. Те упирались, но их с хохотом подтаскивали друг к другу и не отпускали, пока они не поцелуются. Некоторые, правда, особенно и не упирались.

Но когда мальчишки схватили Володю, а девочки Таню Осокину — откуда они только узнали его тайну?! — когда потащили их навстречу, Володя понял, что лучше умрёт, чем приблизится к ней, к Тане Осокиной. Он попытался растолкать всех, вырваться, но его крепко обхватили за руки. Тогда он решил упасть на пол, но его всё равно потащили, с волочащимися ногами, с рубашкой, вылезшей из школьных

брюк. И тут он увидел Таню, которая тоже вырывалась изо всех сил. А те, кто тащил — и девчонки, и мальчишки, — хохотали. И только они с Таней смотрели друг на друга с ужасом, и Володя чувствовал, что Таня ждёт от него помощи, спасения. Да-да, это он должен был спасти их обоих. Но только как? Ведь и его волокли за руки и за ноги к ней навстречу.

Что произошло бы дальше, Володя представить не мог. Знал одно — такого общественного позора он бы не перенёс.

И в эти секунды в их коридоре появился Анатолий. Мальчишки, конечно, Володю бросили, разбежались. И девчонки тоже оставили Таню.

Анатолий же всего-навсего принёс книгу писателя Рони-старшего «Борьба за огонь», которую специально взял для него в районной библиотеке.

Но в дружбе двух людей бывают не только радости, бывают обиды и злоба. И важно не поддаваться этой минутной злобе, пересилить её, иначе оскорбишь своего друга так, что и не восстановишь дружбу, как бы этого ни хотел.

Володя тоже однажды, в своём первом классе, подошёл к Анатолию, а тот — в сторону. Это оскорбило, ударило Володю, и решил он, что Анатолий предал их дружбу. Навсегда. Только что в любой момент Володя мог к нему подойти, только что они были вместе. А теперь Анатолий влюбился и ходил вдвоём с девятиклассницей, с Зинкой Крупиной. С той самой Зинкой, которая каждую неделю встречалась с каким-нибудь новым старшеклассником, которая потом несколько лет мучила несчастного Анатолия, а теперь сама так красиво от любви к нему страдает.

Знакомство Анатолия с Зинкой происходило на виду у всей улицы: Зинка упала Анатолию в руки. Ясно, что не с неба — с неба только парашютисты падают и метеориты. Да иногда самолёты.

Володя и Анатолий шли по улице, Анатолий говорил про новгородского князя Вадима, который не подчинился Рюрику и затеял против него смуту. А в эти минуты Зинка в своём доме выскочила на лестницу поболтать с подружкой, и у неё захлопнулась дверь. А за дверью на кухне готовилось праздничное угощение и в духовке пёкся пирог, потому что вечером у Зинки был день рождения. Ей исполнялось пятнадцать.

Дверь захлопнулась, Зинка была на лестничной площадке, и угощению грозила гибель.

Тогда Зинка решила перелезть с балкона соседки на свой балкон. Человек она была отчаянный, в этом Володя недавно снова мог убедиться. Но тогда ей не повезло. А может быть, наоборот, повезло очень. Потому что в ту секунду, когда она сорвалась и все люди, бывшие поблизости, ойкнули, Володя и Анатолий проходили как раз мимо её балкона. Зинка падала со второго этажа, но летела вниз спиной и здорово бы разбилась. Анатолий её поймал. Недаром у него была спортивная реакция. Он её поймал и немного подержал на руках, слегка покачиваясь и озираясь по сторонам, словно раздумывая, куда бы её поставить. На самом-то деле, Анатолий потом сознался Володе, что, когда он принял её падение на себя, он с трудом её удержал и с трудом сам удержался на ногах и чуть не застонал от боли.

А Зинка настолько одурела во время падения, что тоже не разобрала, кто её держит — взрослый человек или одиннадцатиклассник, только сильно большой и широкоплечий.

— Спасибо, дяденька, — сказала она, обнимая его, а потом добавила: — Извините, пожалуйста.

Анатолий смутился, стал её ставить на ноги, а она вдруг попросила:

— Подсадите меня, пожалуйста, на балкон. У меня пирог горит.

И Анатолий снова поднял её в воздух на вытянутых руках. Она зацепилась за перила своего балкона, перебралась через них, открыла дверь в комнату и уже из дверей победно улыбнулась, а потом крикнула:

— Приходите сегодня на день рождения! Квартира семь.

Она, конечно, не всерьёз пригласила. Просто разглядела наконец, что Анатолий никакой не дяденька. Но Анатолий пришёл и впервые в жизни принёс в подарок цветы.

Через несколько дней подошёл Володя к школе, чтобы Анатолия встретить и вместе до его дома пройти, про князя Рюрика ещё поразговаривать, и видит: Анатолий вместе с Зинкой из школы выходят. Идут, весело болтают, Зинка цветную варежку в руке несёт.

— Анатолий! — закричал Володя через всю улицу.

Только тогда они и остановились.

— Тебе что? — спросил Анатолий как будто чужой.

А Зинка его уже нетерпеливо за рукав дёргает и в лицо заглядывает.

— Анатолий, пойдём со мной. Ты мне про князя Рюрика ещё расскажешь... — заговорил Володя. Он уже предчувствовал, что не с ним пойдёт Анатолий, но не хотел поверить в это.

— Мальчик, отойди, пожалуйста, нам некогда, — оборвала его Зинка. — Толик, пойдём.

Она произнесла последние слова командирским голосом, и Анатолий послушно пошёл, только сказал виновато:

— Про Рюрика я тебе потом обязательно расскажу.

Анатолий не догадывался, что с того дня начинаются его мучения. Потому что Зинка то сама ждала его теперь после уроков, то, дёрнув плечами, уходила от него посреди улицы. То шла, вслушиваясь в каждое его умное слово, заглядывая в лицо, словно собачка, а то не приходила в назначенное время к театру, а когда Анатолий звонил ей домой, отвечала изменённым голосом, что дома её нет. А потом вдруг, назло Анатолию, начинала прохаживаться мимо его окон с какими-нибудь старшекласниками.

Однажды Володя застал Анатолия плачущим у чердачной двери. Володя туда поднялся с первокласником из чужого класса, чтобы подраться по-настоящему, но, увидев Анатолия, и драться расхотел. Да и первокласник сразу превратился из врага в друга.

Анатолий стоял, упёршись лбом в металлическую дверь, и негромко стонал. Володя, конечно, понял отчего, точнее, из-за кого он стонет.

— Это он из-за Зинки Крупиной! — шепнул Володя недавнему врагу, и тот понятиливо кивнул.

— Не могу я без неё жить, не могу! — простонал Анатолий.

Уже две недели оскорблённый Володя не подходил к Анатолию. Две недели, проходя мимо, насильно отворачивал голову, чтобы смотреть мимо. А сейчас он понял, кто во всём виноват. И возненавидел её — Зинаиду Крупину.

— Володя, — проговорил Анатолий, не поворачивая головы от металлической двери, — передай ей, пожалуйста, записку. И пусть обязательно напишет ответ. Я больше так не могу.

Записку они с первоклассником сразу прочитали. Как только спустились в коридор. Ничего такого там не было. Всего одно предложение: «Зина, прошу тебя, приди, пожалуйста, к нашему месту, очень прошу».

— Давай припишем, чтоб знала, как Анатолия мучить, — сказал Володя чужому первокласснику и шариковой ручкой дописал: «А будешь Анатолия ещё мучить, ноги повывёртываем».

Эту записку они отнесли Зине, найдя в расписании её класс.

— Сказал, чтоб ответ обязательно дала, — хмуро, с угрозой в голосе проговорил Володя. А сзади него стоял такой же хмурый другой первоклассник.

Зина прочитала записку, зло рассмеялась и, проговорив: «Ах, ответ!» — коротко что-то написала на их записке.

Ясно, что при ней читать ответ они не стали, прочли только, когда вышли на лестницу.

«Идиот!» — было написано наискосок.

Володя, уже один, поднялся к чердаку. Анатолий стоял там по-прежнему.

— Идиотка она какая-то. Взяла записку и съела. Я говорю, ответ пиши. А она — не на чем, и глотает записку.

Странно, но это враньё Анатолия вдохновило.

— Съела? — переспросил он почти восторженно.

— Ага, целиком. Как в рассказе «Пакет». Знаешь?

Они спустились в коридор вместе. И было Володе радостно, потому что возобновилась их дружба.

— У тебя сегодня сколько уроков? Давай я тебя после школы встречу. Ты мне ещё про Рюрика недорассказал.

— Встретишь сегодня, и я расскажу, — пообещал Анатолий.

Но когда Володя, сделав дома письмо, снова вернулся к школе, то увидел, как Зинка опять уводит Анатолия в другую сторону.

Давно это было, будто в другой жизни. Володя тогда учился в первом классе. А сейчас...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Уж сколько раз набирал Володя номер Анатолия в этот вечер, но не было его дома!

Зато звонили другие люди.

— Володя, ты только не пугайся, мальчик! Ничего такого страшного нет, просто мама твоя немножко в милиции. — Это была мамина знакомая, Полина. — Ты отвечай, слышишь! Или испугался?

— Нет, не испугался. Немножко — это как?

— Просто, мама твоя поживёт в милиции и вернётся. Узнают, что у неё ребёнок дома, и надолго не задержат. Она обязательно вернётся. А если не вернётся, мы тебе помогать будем, станем суп варить. Так что ты не пугайся.

Ничего себе «не пугайся».

Потом позвонила другая мамина знакомая:

— Вовик, привет! Мы вместе с твоей мамой были. Только что из милиции. Нас двоих отпустили, потому что мы в первый раз попались, а мама твоя — она нечаянно майора уронила. — Мамина знакомая говорила быстро, прямо захлёбывалась от радости. Ей-то хорошо, она на свободе, а мама где? — Мама твоя майору стала доказывать, что он не прав, он попятился, оступился и голову разбил. Мама его прямо в машине перевязала, пока нас везли в отделение. Так что её задержали, запиши адрес на всякий случай!

Володя записал адрес. Хотя что с этим адресом делать — он не знал.

Собрался Володя поужинать в одиночестве, и тут новый звонок. Он сразу узнал этот строгий, слегка недовольный голос занятого человека, которого отрывают по пустякам. Мамин главврач.

— Здравствуйте, Фомин говорит. Мне, пожалуйста, Людмилу Алексеевну.

— Её нет дома, что ей передать? — ответил Володя так же, как отвечал всем спрашивающим маму. Мама ещё когда научила его так говорить по телефону.

О том, что мама арестована, говорить не стоило, вдруг главврач не знает, а маму утром отпустят.

— Я, простите, говорю с её сыном? С Владимиром?

— Да, здравствуйте.

— Это вашу маму я сейчас видел по телевизору? Я не ошибся?

Всё пропало. Теперь уже скрывать глупо.

— Да, мою маму.

— Дичь какая! У неё завтра с утра десятки больных, а она в милиции даёт интервью! Вы не знаете их номер телефона?

Номер Володя не знал, но адресом поделился.

И тут, наконец, позвонил Анатолий. Сам.

— Давай одевайся, приходи ужинать! Мама твоя скоро станет городской знаменитостью. Адрес-то её хоть узнал?

— Узнал, — отозвался Володя. — А ужинать я как раз дома буду, спасибо. Потому что надо у телефона сидеть, вдруг она ещё позвонит.

— Тоже правильно. Тогда быстро перечисли, что у тебя в холодильнике. Масло, колбаса, яйца есть? Хлеб есть?

— Есть. Всё есть, мне ничего не надо.

— Да я сейчас не о тебе говорю. Сделаешь рано утром бутерброды, кофе в термосе и отвезёшь маме. Или давай я утром приду помогу. Помочь?

— Не надо, я сам.

— Сумеешь передать, как думаешь?

— Конечно, сумею, — храбро подтвердил Володя, хотя не особенно был уверен, что всё получится хорошо.

Будильник он завёл на семь утра. Интересное дело, когда надо проснуться рано, в нём словно и внутренний будильник работал. Он проснулся за пять минут до звонка и сразу вскочил.

Здорово было бы испечь пирожки. Мама вынимает их в милиции, а они ещё тёплые. «Вот это сын!» — с удивлением сказали бы все.

Он однажды пёк под маминым руководством. Но на это ушёл вечер. Сейчас времени бы не хватило.

Володя поджарил яичницу, когда остыла, положил её между двумя кусками булки. Налил кофе в маленький термос.

Что ещё берут для заключённых? Где-то Володя читал, что зубную щётку и тёплые носки. Ещё он взял полотенце и тёплые домашние тапки — не в сапогах же всё время сидеть в камере.

Это слово — «камера» — его и напугало, и рассмешило. Ему до сих пор казалось, что не с ними это случилось, что не по-настоящему.

Бутербродов он сделал несколько. Наверняка с мамой вместе ещё кто-нибудь голодный. Жуткое это дело, когда у тебя еда, а у соседа — нет.

До милиции он доехал на троллейбусе. За спиной у него был школьный рюкзак, в полиэтиленовом мешке — передача.

У нужного дома стояла машина с красными крестами. Неужели главврач приехал отвозить маму?

И точно: его голос Володя услышал, едва только дверь в милицию открыл.

— Это невероятно, это невозможно представить! Вы думаете, вы наказываете её? Нет, вы наказываете десятки больных детей! — возмутился главврач.

И его слушал смущённый майор с забинтованной головой, который сидел около таблички «дежурный». Рядом была дверь, такая же железная, как в школе наверху, на лестнице, но у милицейской двери было ещё и окошечко с железной решёткой.

«Там, наверно, мама», — подумал Володя.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru